

ГЕРАКЛИТ

ГРУЗОВОЙ КОРАБЛЬ МК-7
КОЛОНИЯ: НОВЫЙ БЕРЕГ

МИССИЯ: ДОСТАВКА
МЕДИКАМЕНТОВ

КОРПУС: 37%
ПОВРЕЖДЕНИЕ КРИТИЧЕСКОЕ

ДАВЛЕНИЕ В ОТСЕКАХ
ПАДЕНИЕ

УТЕЧКА ВОЗДУХА
ОБНАРУЖЕНА

МАРШРУТ
ОРБИТА МАРСА -
НОВЫЙ БЕРЕГ

СТАТУС:
ЭКСТРЕННОЕ СНИЖЕНИЕ

СНЕЖНАЯ
КОЛОНИЯ

КРИСТИНА СОЛЬ

ХРОНИКИ СНЕЖНОЙ.

КНИГА 5: НОВЫЙ БЕРЕГ

Кристина Соль

Хроники Снежной.
Книга 5. Новый Берег.

«Автор»

2026

Соль К.

Хроники Снежной. Книга 5. Новый Берег. / К. Соль — «Автор», 2026

Ирина Снежная снова приходит в себя в чужом теле — на борту грузового корабля, обречённого погибнуть в открытом космосе. Экипаж мёртв, корпус пробит, кислород на исходе, а до марсианской колонии «Новый Берег» остаются считанные часы. Используя знания физики и инженерии, Ирина совершает невозможное и спасает корабль с жизненно важным грузом медикаментов. Но катастрофа оказывается лишь началом. Слишком многие аварии здесь называют случайностью. Слишком часто после них колония остаётся без лекарств. Расследование приводит Ирину к тайне, способной разрушить весь Новый Берег: иногда чудовищные решения принимают не ради власти или денег, а ради выживания тысяч людей. Где проходит граница между преступлением и необходимостью? И что делать, если правда может оказаться опаснее самой лжи? Пятая книга цикла «Хроники Снежной». Можно читать отдельно.

© Соль К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Посадка	5
Глава 2. Голос с Марса	7
Глава 3. Новый Берег	9
Глава 4. Груз	11
Глава 5. Журнал капитана	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кристина Соль

Хроники Снежной. Книга 5. Новый Берег.

Глава 1. Посадка

Заплата держалась. Пока держалась.

Я лежала на холодном металлическом полу грузового отсека, привалившись спиной к панели управления. Кусок форменной ткани, прижатый к пробойне всем моим весом, глухо похлопывал от перепадов давления снаружи. За последний час я научилась различать этот звук так же чётко, как собственное сердцебиение.

Мир, в котором я снова очнулась, был для меня новым — но само пробуждение давно перестало быть таковым. Я физик по имени Ирина; много миров назад в моей собственной лаборатории случилась авария, забросившая меня в чужие тела в момент, когда их хозяйки были на волоске от смерти, — я довожу их истории до какого-то завершения и иду дальше, оставляя тело его настоящей владелице, ничего не помнящей о днях, что я прожила вместо неё. На этот раз тело принадлежало женщине по имени Тася, штурману-стажёру грузового корабля, летевшего, судя по обрывкам её памяти, с Земли к марсианской колонии с грузом медикаментов. Экипаж погиб при столкновении с метеоритом. Я — нет. Запас был почти нулевым: искра жизни, которую я застала в этом теле, тлела на самом донышке, и лишь то небольшое, что я сумела принести с собой, позволило дотянуть до перезапуска генератора воздуха несколько часов назад.

Панель управления мигала рядом тревожных индикаторов. Часть из них я уже научилась понимать интуитивно, часть по крупницам вспоминала из обрывков памяти Таси — разобраться в остальном по-настоящему времени не было.

Топливные баки маневровых двигателей показывали остаток, о котором лучше было не думать слишком долго.

Я потянулась к панели связи. Руки всё ещё подрагивали, но уже не от нехватки воздуха, а от многочасового напряжения. Активировала передатчик на аварийной частоте — той самой, что обрывки памяти Таси подсказывали как канал диспетчерской службы марсианской колонии.

— Говорит грузовой корабль «Гераклит», — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровнее, чем ощущалось внутри. — Экипаж погиб при столкновении с метеоритным телом. У меня повреждена обшивка, критически низкий запас манёвренного топлива. Прошу помощи с посадкой.

Тишина в динамике тянулась достаточно долго, чтобы я успела представить худшее. Затем раздался голос — мужской, спокойный, с той профессиональной ровностью, что не даёт собеседнику сорваться.

— «Гераклит», говорит диспетчерская «Нового Берега». Слышу вас. Назовите себя.

— Тася Ерохина, штурман-стажёр, — сказала я, используя имя, которое подсказывала чужая память, хотя произносить его вслух о себе самой было по-прежнему странно. — Я одна на борту.

— Тася, — повторил голос, и в нём послышалось нечто похожее на облегчение, смешанное с тревогой. — Меня зовут Демьян, я проведу вас через посадку. Первое: доложите остаток топлива маневровых двигателей, если приборы ещё дают показания.

Я продиктовала цифры. На другом конце связи повисла пауза — короткая, но достаточно красноречивая, чтобы я поняла: услышанное не порадовало моего невидимого собеседника так же, как не порадовало меня саму несколько минут назад.

— Этого недостаточно для стандартного манёвра торможения, — сказал Демьян наконец, тем же ровным голосом, за которым, впрочем, я уже начинала различать напряжённую, стремительную работу мысли. — Нам нужно найти нестандартное решение, Тася. И нужно быстро — у нас есть, дай бог, полчаса, прежде чем вы войдёте в плотные слои атмосферы без всякого топлива на манёвренных двигателях вообще.

Я закрыла глаза на секунду. Знакомая, привычная концентрация выстроилась внутри меня с той же ясностью, с какой выстраивалось бы решение задачи по термодинамике, — не паника, а холодный расчёт, единственный инструмент, который у меня оставался против самого равнодушного собеседника, какой мне доставался прежде: против законов физики, не знающих снисхождения ни к чужому горю, ни к моей собственной усталости.

— Диктуйте характеристики корабля, — сказала я. — Всё, что у вас есть по «Гераклиту». Будем считать вместе.

Глава 2. Голос с Марса

— Диктую характеристики, — сказал Демьян, и я услышала на заднем плане приглушённые голоса других диспетчеров, стук клавиш, звук работы, не прекращавшейся ни на секунду. — «Гераклит», модель грузового транспорта класса «Т», масса без груза — сорок две тонны, маневровые двигатели типа...

Он назвал технические параметры. Я слушала их и одновременно прокручивала в голове уравнение торможения, подставляя переменные так быстро, как позволяло дрожащее от усталости тело.

— У нас недостаточно топлива для стандартного гашения скорости, — сказала я, — но если я переведу часть резервного кислорода в качестве рабочего тела для аварийного сброса через дюзы правого борта, это даст дополнительный импульс торможения, пусть неровный и плохо предсказуемый.

На другом конце связи повисла пауза, на этот раз куда более долгая.

— Тася, — сказал Демьян медленно, — это не входит ни в один стандартный протокол аварийной посадки. Откуда вы это знаете?

Я почувствовала холодок узнавания — не от испуга, а от того особого чувства, что накрывает всякий раз, когда чужая память подводит меня к границе, за которой начинаются вопросы, на которые у меня нет удобного ответа.

— Считала быстро, — сказала я, выбирая ту долю правды, что не требовала объяснений. — Физика есть физика, даже если протокол этого не предусматривает.

— Хорошо, — сказал он после короткого колебания, и в его голосе прозвучало нечто похожее на невольное уважение. — Рискованно, но по расчётам сходится. Начинайте перевод кислорода на моей команде, не раньше. Нам нужна точность до секунды.

— Если посадка затянется, вам нечем будет дышать на грунте, — добавил он через секунду, будто спохватившись.

— Если не затормозим, дышать будет некому, — ответила я.

Следующие двадцать минут слились в один долгий, выматывающий поток команд и цифр: Демьян вёл меня через каждый этап торможения с той спокойной, почти отеческой властью, что удерживает паникующего пилота от рокового промедления, а я исполняла его указания, добавляя собственные поправки там, где интуиция, нажитая не за полгода стажировки, подсказывала мне уточнения быстрее, чем успевали прийти инструкции с земли — точнее, с Марса.

— Вы явно не первый год в кабине, Тася, — сказал Демьян в один из редких моментов затишья между манёврами, и в его голосе звучало неподдельное любопытство. — Ваше личное дело говорит о полугоде стажировки. Не сходится с тем, что я слышу.

— Экстремальные обстоятельства проясняют мысли, — сказала я, уходя от прямого ответа тем же способом, каким уходила от подобных вопросов в каждом из миров, где мне доводилось находить себя прежде.

Он не стал настаивать, хотя я слышала в паузе перед следующей командой, что вопрос остался при нём, отложенный, но не забытый.

Атмосфера Марса встретила корабль плотным, обжигающим сопротивлением. Корпус «Герাকлита» содрогался под напором, куда более грубым, чем предсказывали любые расчёты, — заплатка на пробойне держалась из последних сил, стонала металлом, но не поддавалась.

— Высота триста метров, — сказал Демьян, и в его голосе впервые за весь разговор прорвалось напряжение, которое он до этого умело скрывал. — Скорость снижения всё ещё великовата. Тася, у вас есть последний резерв — короткий импульс основных двигателей, если решитесь потратить на него остаток топлива.

— Решаюсь, — сказала я, не позволяя себе и секунды колебания, и нажала на рычаг управления с той твёрдостью, что рождается не из отваги, а из холодного понимания: колебаться сейчас означало погибнуть наверняка, а рискнуть — оставляло хотя бы шанс.

Последний импульс двигателей прижал меня к креслу тяжестью, показавшейся невыносимой после часов невесомости и удушья. Затем — резкий, скрежещущий удар посадочных опор о марсианский грунт, и корабль замер, накренившись, но целый, среди клубов красной пыли, медленно оседающей за иллюминатором.

— «Гераклит», говорит диспетчерская, — сказал Демьян, и в его голосе звучало откровенное, ничем не прикрытое облегчение. — Вы на земле. Точнее, на Марсе. Добро пожаловать в Новый Берег, Тася.

Я откинулась в кресле. Напряжение последних часов схлынуло разом, оставляя после себя не облегчение, а глухую, всепоглощающую усталость. Я закрыла глаза на мгновение, позволяя себе первую, короткую передышку с того момента, как открыла их в этом чужом, едва спасённом теле.

Глава 3. Новый Берег

Шлюз «Гераклита» открылся в купольное пространство, освещённое ровным, чуть желтоватым светом искусственных ламп. Я всё ещё пошатывалась после многочасового напряжения, но ступила на бетонное покрытие ангара, чувствуя под ногами непривычную, чуть заниженную гравитацию Марса.

Меня встречала небольшая группа людей в форменных комбинезонах инженерного корпуса. Они обступили корабль с той деловой поспешностью, что выдаёт скорее профессиональную тревогу за судьбу груза, чем заботу о выжившем члене экипажа. Лишь один из них, пожилой мужчина с обветренным, усталым лицом, подошёл ко мне напрямую.

— Ты жива, — сказал он, и в этих словах было больше облегчения, чем в словах остальных вместе взятых. — Мы уже опасались худшего, когда связь с «Гераклитом» пропала на несколько часов.

Обрывки памяти Таси не сразу узнали в нём знакомое лицо, но постепенно сложились в имя и должность — Феликс, старший техник ангара, один из немногих в колонии, с кем настоящая хозяйка этого тела успела сблизиться за неполный год работы здесь.

— Экипаж погиб, — сказала я тихо. — Я единственная, кто добрался живым.

Феликс помрачнел. Новость передалась дальше по цепочке людей вокруг нас — не криком, не паникой, а тем тихим, привычным к потерям молчанием, что складывается у сообщества, слишком долго живущего на грани выживания, чтобы позволить себе открытое горе при каждой новой смерти.

— Груз цел? — спросил кто-то из группы, и в этом вопросе я услышала не бездушие, а отчаянную, вполне объяснимую нужду: медикаменты, которые вёз «Гераклит», значили для этих людей не абстрактную статистику, а вопрос жизни и смерти для кого-то из их близких.

— Цел, — подтвердила я. — Но обшивка повреждена, часть систем нуждается в серьёзном ремонте, прежде чем корабль сможет снова подняться.

По группе прошёл вздох облегчения, куда более искренний, чем реакция на весть о гибели экипажа. Наблюдая эту сцену со стороны, я почувствовала знакомый, лёгкий укол узнавания. Нехватка ресурсов лепит человеческие реакции быстрее, чем это делают сострадание или горе.

Феликс проводил меня через ангар, в сторону жилого купола. По пути я успела увидеть очередь, растянувшуюся вдоль одной из внутренних улиц колонии, — десятки людей, терпеливо, но напряжённо ожидающих у окошка распределительного пункта, где, судя по вывеске, выдавали пайки и ограниченные медицинские препараты.

— Нормирование ужесточили ещё месяц назад, — сказал Феликс, заметив мой взгляд. — После того как предыдущая поставка не пришла вовсе. Совет говорит, что это временно, пока не наладят более надёжный маршрут снабжения. Люди устали ждать этого «временно».

— Что случилось с предыдущей поставкой? — спросила я, чувствуя, как профессиональная настороженность просыпается быстрее, чем мне хотелось бы в теле, едва пережившем собственную катастрофу.

— Официально — техническая неполадка, — сказал Феликс, понижая голос почти до шёпота. — Корабль развернули обратно на середине пути, что-то с навигационной системой. Неофициально... — он замаялся, оглядываясь, — неофициально многие в инженерном корпусе считают это странным. Слишком много подобных «неполадок» за последний год.

Знакомая, уже привычная закономерность выстраивалась в сознании раньше, чем я успела сформулировать её осознанно — не полное подозрение ещё, но первый, отчётливый контур системы, слишком узнаваемой, чтобы списать её на случайность.

— Мне нужно поговорить с административным советом, — сказала я. — Доложить о случившемся официально.

— Успеешь, — сказал Феликс. — Сначала отдых и осмотр у медиков. Совет подождёт до завтра — им сейчас важнее сам факт, что груз доставлен, а не подробности твоего героизма.

Я кивнула. Усталость последних часов наконец начинала брать своё в полную силу, но даже сквозь неё я не переставала думать о том разговоре с Демьяном по радиосвязи, о его голосе, полном той же сдержанной тревоги, что я теперь видела на лицах людей вокруг, и о закономерности, начинавшей складываться в моей голове быстрее, чем я готова была её признать вслух.

Глава 4. Груз

Медики продержали меня в лазарете до полудня следующего дня — не столько из-за серьёзных повреждений, сколько из осторожности перед тем, что тело, пережившее разгерметизацию и часы кислородного голодания, могло таить отложенные последствия. Пользуясь вынужденным покоем, я впервые за долгое время смогла спокойно, без спешки разобраться в обрывках памяти Таси, складывая их в связную, хотя и неполную картину прежней жизни этого тела.

Разгрузка «Гераклита» началась ещё утром, и к тому моменту, когда меня наконец выпустили из лазарета, весь купольный посёлок шумел новостью о прибывшем грузе. Я видела это по лицам людей, встречавшихся мне на пути к административному куполу: усталость, годами копившаяся в этих лицах, на время отступила перед простой, почти детской радостью облегчения.

— Партия обезболивающих и антибиотиков уже распределяется по медпунктам, — сказал мне Феликс, сопровождавший меня в качестве своеобразного проводника по колонии. — Люди неделями экономили последние дозы. Теперь, кажется, ещё какое-то время можно будет прожить спокойно.

Я кивнула, разделяя это облегчение искренне, но вместе с ним во мне крепло и другое, куда менее спокойное чувство, зародившееся ещё вчера при упоминании развернувшегося назад корабля.

— Мне нужно увидеть официальный отчёт о метеоритном ударе, — сказала я. — Тот, что вы направите в администрацию.

Феликс посмотрел на меня с лёгким удивлением.

— Отчёт готовит инженерный корпус на основе бортовых данных «Гераклита», — сказал он. — Обычная процедура после любой аварии. Зачем тебе видеть черновик?

— Хочу убедиться, что ничего не упустили, — сказала я, выбирая объяснение достаточно правдоподобное, чтобы не вызвать новых вопросов, но достаточно честное, чтобы не считать его откровенной ложью.

Он провёл меня в инженерный отсек, где молодой техник уже начал собирать данные бортового регистратора «Гераклита» в единый отчёт. Глядя через его плечо на разворачивающиеся на экране графики траектории, я почувствовала знакомую, холодную ясность — ту, что всегда сопровождала момент, когда разрозненные факты внезапно складывались в неопровержимую систему.

Траектория метеоритного тела, зафиксированная бортовыми датчиками в момент столкновения, не соответствовала известным потокам обломков в этом секторе пространства. Угол подхода был слишком острым, слишком точно направленным именно на уязвимый участок корпуса, где располагался силовой кабель генератора воздуха, а вовсе не туда, куда чаще всего приходится случайные удары по статистике подобных инцидентов.

— Это странно, — сказала я вслух, не удержавшись, и молодой техник поднял на меня взгляд, полный лёгкого замешательства.

— Что странно? — спросил он.

— Угол подхода, — сказала я, указывая на экран. — Слишком точный для случайного метеоритного потока. Обычно обломки такого размера идут по куда более рассеянной, статистически предсказуемой траектории.

Техник нахмурился, вглядываясь в собственные данные так, будто видел их впервые, хотя, разумеется, сам их же и собирал.

— Я не специалист по орбитальной механике, — сказал он неуверенно. — Может, вы правы, а может, это просто необычное совпадение. Такое иногда случается.

Я не стала настаивать дальше — осторожность, отточенная в каждом из предыдущих миров, удерживала меня от преждевременных выводов. Но, покидая инженерный отсек вместе с Феликсом, я уже знала: случайность, которую с такой готовностью принимала колония, при ближайшем рассмотрении выглядела куда менее случайной, чем хотелось бы тем, кто предпочитал списывать очередную потерю на волю бездушного космоса.

— Ты выглядишь так, будто что-то не даёт тебе покоя, — заметил Феликс, когда мы вышли обратно в купольный коридор.

— Возможно, — сказала я тихо. — Мне нужно найти бортовой журнал капитана «Гераклита», если он сохранился среди личных вещей экипажа. Хочу проверить кое-что, прежде чем делать поспешные выводы.

Глава 5. Журнал капитана

Личные вещи погибшего экипажа хранились в отдельном отсеке ангара, сложенные в аккуратные, промаркированные контейнеры до тех пор, пока администрация не примет решение об их дальнейшей судьбе. Феликс, хотя и с явным сомнением в целесообразности подобной просьбы, помог мне получить доступ к контейнеру, помеченному именем капитана «Гераклита».

Среди немногих личных вещей — потрёпанной фотографии, старого механического хронометра, нескольких писем — нашёлся портативный терминал, защищённый паролем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.